

Пупышева Ирина Николаевна

ПРЕДЕЛЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются некоторые этапы развития языковой нормы с точки зрения её связей с обобщающей способностью человека. Норма представляется одной из форм обобщения, а умение правильной речи – инструментом упорядочения общения. В истории нормирования можно выделить две противоречивые ориентации: на "языковой идеал" – и с таким акцентом норма способна обострять классовые (сословные) противоречия; на типичность живой речевой практики – что, напротив, способствует сглаживанию этих противоречий. Идеализирующая и типизирующая способности на сегодня – социальные функции нормы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/12-2/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. II. С. 173-175. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

PRINCIPLES OF STORY REPRESENTATION IN ROMANCE PHILOLOGY OF V. E. MAKSIMOV

Popova Irina Mikhailovna, Doctor in Philology, Professor
Tambov State Technical University
lv82@mail.ru

The article studies the principles of artistic historicism in V. E. Maximov's prose, and proves that the principle of symbolic and metaphorical representation of historical events prevailed in the writer's artistic system as it allows expressing more deeply the conception of Russian Orthodox vision of the historical process in his novel.

Key words and phrases: artistic historicism; analog historicism; symbolic and metaphorical principle of representation; Orthodox axiology.

УДК 81'0

Филологические науки

В статье рассматриваются некоторые этапы развития языковой нормы с точки зрения её связей с обобщающей способностью человека. Норма представляется одной из форм обобщения, а умение правильной речи – инструментом упорядочения общения. В истории нормирования можно выделить две противоречивые ориентации: на «языковой идеал» – и с таким акцентом норма способна обострять классовые (сословные) противоречия; на типичность живой речевой практики – что, напротив, способствует сглаживанию этих противоречий. Идеализирующая и типизирующая способности на сегодня – социальные функции нормы.

Ключевые слова и фразы: языковая норма; общение; обобщение; «языковой идеал»; грамматическое искусство; грамматическая наука.

Пупышева Ирина Николаевна, к. филос. н.

Тюменский государственный университет

I-rinushka@yandex.ru

ПРЕДЕЛЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ[©]

Исследование выполнено при финансовой поддержке средств государственного задания Министерства образования и науки, 2013 г.

Понятие нормы, нормального чрезвычайно важно для человеческого существа. Нормальная погода, зарплата, квартира, еда, работа, друзья... составляют представления о необходимых жизненных условиях. Норма поведения и речи – то, чем должен руководствоваться человек в повседневной жизни. Но если соблюдение нормы поведения поддерживается уголовным кодексом и совестью, то основания для следования норме языковой не столь убедительны. А между тем её значение и функциональность очень важны.

Такое значимое место речевая норма занимает в становлении рациональности. Как результат и форма обобщения речевого опыта (или опыта речевого общения), норма начинает исполнять предписывающую функцию ещё в древности. «Грамматическое искусство» (как исторический этап лингвистической науки) носило эстетический и исключительно предписывающий характер (представляя собой не обобщённый вариант живой речи, а грамматически совершенный образец). Имя (слово) в античности рассматривалось как подобие подлинной природы вещи, а потому проблема грамматической правильности была аспектом проблемы истинности. Так и Платон в «Кратиле», рассматривая проблему истинности и правильности, подчёркивает генетическую связь слова с сущностью [2]. И дать правильное имя (а норма поначалу касалась правильного именованья) означало назвать вещь в соответствии с её природой («эйдосом»).

Формальная логика упорядочила и унифицировала использование слов в соответствии с ходом мысли. Но универсальность и убедительность логики только способствовали поддержке связи «правильной речи» с «Истиной» (Аристотель разрабатывает грамматические категории как структуры проявления самого бытия). Понятия «говорить правильно» и «говорить логически связно» категориально сблизились. Настолько, что стоики видят в изучении речи путь к постижению человеческого разума, а через него – к разуму божественному, к «Логосу», правящему миром и определяющему судьбу каждого. В этой связи кажется важным установление грамматических правил употребления слов в предложении. Стоики создают развёрнутое учение о частях речи, выделяют падеж, время у глагола, типологию предложений. Нормированность, таким образом, выходит за границы правильного именованья, подключая область правильного грамматического употребления. Словесная «предметность» (лектон) стоиками представляется областью чистого смысла, в технике и искусстве речевого соответствия которой, в упорядочении *высказываний* видится задача грамматики.

Логическое упорядочение речи обнаружило множество «аномалий» (например, обозначение одним словом одного рода как мужских, так и женских особей). Это актуализировало вопрос о природе и дальнейшем развитии нормы – между античными «грамматическими» школами (Александрия и Пергам) разгорается соответствующий спор: александрийские грамматики выступают за систематизацию, не знающую исключений, грамматики из Пергама – за нормирование с опорой на обиход. Всё явственнее становится влияние общественных речевых привычек на развитие представлений о правильности, а потому и зависимость нормы от общения и обобщения.

В целом в античной культуре налицо стремление к упорядочению именованию, логических (и уже на их основе грамматических) структур и форм, способных выступить общим основанием в поиске Истины, для которого, как покажет история, национальные различия не столь существенны. Претензия на знание нормы и владение искусством составления правильных высказываний обнаруживает общность людей на основе интересов и принципов, жизненных и научных позиций. Овладение нормой предвещает приобщение к высокой культуре, открывает путь в содружество художников, учёных, философов, «жадных до одной только Истины». И если принципы её формирования носят эстетический характер, то цель – гносеологическая.

В Средние века претензия языковой нормы на Истину приобрела религиозный оттенок. Грамматика включалась в тривиум свободных искусств. Её преподавание касалось основ Священного писания. И Библия стала грамматическим образцом. В Европе использовались в основном греческие и латинские тексты, а потому и соответствующие языки воспринимаются как приближенные к Истине. И впоследствии греко-латинская грамматическая система окажется эталоном для развития ряда европейских языков. На долгое время, правда, учитывая их «бытовое» обслуживание и погрешности перевода, латынь и греческий останутся обладателями исключительных прав при ведении богослужений. Это *канон*, незыблемый и неоспоримый.

Постепенно латынь для католической части Европы становится не только религиозной, но и общекультурной нормой. Тексты медицинские, научные, теологические, философские пишутся на латыни, в то время как в обиходе активно используются языки национальные. «Языковой идеал» связывается с языком в целом. При этом приоритет письменной речи над устной приводит к оформлению нормы в качестве «литературной». Научно-философские и художественные произведения, написанные каноническим языком, прививают речевой «норме» определённую (литературную) стилистику. Стиль, манера выступают результатом обобщения особенностей употребления тех или иных средств, то есть опыта речевого общения. Расхождения литературного и научного стилей в пределах одной языковой нормы свидетельствуют об усилении опоры на объективный речевой опыт.

Немаловажно и то, что нарастание сферы применения национальных языков заставляет с ними считаться и вызывает вопрос о формировании универсальных межъязыковых грамматических структур на основе латыни. Авторы «Истории лингвистических учений. Позднее Средневековье» отмечают к XIII-XIV векам появление согласованности ряда мыслителей (например, Р. Бэкон, Р. Килворди, И. Дакийский) в положении: «Логика одна и та же у всех, следовательно, и грамматика» [1, с. 14]. От этой мысли уже недалеко до деятельности по упорядочению национальных языков. И логика, и грамматика представляются естественными структурами языка, продолжающими структуры мироздания. В спорах номиналистов и реалистов присутствует предположение о реальном существовании общего как общих логико-грамматических структур в том числе. Оттого грамматика позднего Средневековья тоже (подобно александрийским предшественникам) не приемлет исключений. В определённом смысле взаимовлияние письменной и устной речи ослаблено – они разведены по целям, сферам употребления, языкам, навык письма значим при словесном делении. Норма, таким образом, становится привилегией социальной, претензия на владение её основами сопутствует претензии на правомочность.

Связь с Истиной и претензия на правильное истолкование связали судьбы грамматической нормы и христианского мировоззрения. А потому протестантский раскол оказался революционным и для лингвистики. Возможность и потребность перевода Библии на национальные языки актуализировали проблему их стандартизации и упорядочения. Перевод священных текстов требует развёрнутой грамматической, синтаксической и логической языковой структуры, системы абстрактных понятий (какие, кстати, в большинстве своём и были латинско-греческого происхождения). Немаловажную роль в повсеместном распространении нормы (а появляется и такая потребность) сыграло книгопечатание. Тиражные тексты выступают стандартом письменной речи. Казалось бы, до грамматического единства языков рукой подать.

Но всё-таки разнообразие речи не укладывается в уже ставшие каноническими рамки; язык, вообще, представляет собой явление, сопротивляющееся стопроцентному соответствию правилам. Начинается эра становления национальных языков и национальных грамматических основ – с опорой на живую разговорную речь; как следствие, в изучении языка начинает преобладать дескриптивный метод, что свидетельствует о становлении грамматической науки в современном смысле этого слова. Норма уже более не равна письменной речи, слабеет её связь с Истиной; её основа – взаимовлияние привычки большинства на строгое правило и, наоборот, правила на формирование устной речевой привычки. А потому кодификация касается не только графики, появляется и орфоэпическая норма (отмечена уже в учебниках XVII века). И аномалии несоответствия звукового и буквенного рядов, родовой принадлежности слова и существа уже не повод к исправлению имён, но могут стать основанием для изменения нормы. Задачи лингвиста от эстетико-конструктивных меняются к научно-дескриптивным: обнаружение и фиксация вместо создания, размышления и определения.

Такой подход – основанный на уравнивании и усреднении вместо совершенствования и гармонизации – переводит нормированную речь из привилегий в разряд потребностей. Соответствующие изменения можно наблюдать и в обществе – оппозиционность «высшего света» и «низов» теряет остроту. Письменная речь, безусловно, остаётся эталоном, но уже динамичным. Факторы, из которых он складывается, – литература, деловое общение и пресса. Если литература довольно длительное время пишется слогом нарочито более высокопарным, нежели обыденное словоупотребление, и эстетически приукрашенным, а деловое общение представляет тенденцию к стандартизации и унификации речевых ситуаций на логической основе, то пресса – в силу широкой, не знающей сословных и классовых границ целевой аудитории – опирается на универсальные основы устной речевой практики. Вообще, по мере развития нормы со времен Просвещения все три тенденции остаются актуальными, и по ходу истории акцент ставится то на одном, то на другом.

Отдельного разговора заслуживают попытки создания универсальной (интернациональной) нормы – единого языка, созданного на основе общих грамматических, орфоэпических, синтаксических принципов и схожего лексического состава. Одним из первых о нём заговорил Р. Декарт, впоследствии предпринималось немало попыток, самая удачная известна как «эсперанто». Но искусственно созданная норма в глобальном масштабе не прижилась, возможно, оттого, что не отражала естественных тенденций и привычек.

Любопытна историческая зависимость изменений языковых от социокультурных (возможно и обратное). Владение нормой подразумевало претензию на Истину, правильность, правомочность, право голоса, на субъектные полномочия в социальной и политической сфере, и даже на исторической арене. И по мере «расширения» социального субъекта (до народа в целом) происходит усреднение и упрощение нормы (к примеру, одним из следствий революции 1917 года стала реформа литературного языка, ознаменовавшаяся вначале отменой всех возможных норм: отменой букв, не соответствующих никаким звукам, сложных стилистических приёмов и т.п.).

Таким образом, связь нормы и мышления представляется крепкой и многоуровневой: нормирование речи – одна из форм обобщения – идеализирующего, гармонизирующего, канонизирующего, упорядочивающего, усредняющего, стандартизирующего... Опора на обобщение сближает нормирование с философией, обуславливающей «нормальность» речи то онтологической близостью Истине, то соответствием основам рационального мироустройства или же основам культурного упорядочения мира. Представление о правильном именовании и выражении тесно вплетено в общественное понимание мира и места человека в нём, и история этих представлений составляет историю идеалообразования. Правильная речь по ходу истории нередко оказывалась одним из факторов формирования общественной структуры: послужила она выделению интеллектуальной элиты; претензия властных структур на владение речевой нормой то вызывала реформирование её в сторону упрощения, то тенденцию к повышению уровня образованности. Таким образом, норма оказывается явлением, выходящим за пределы чистой лингвистики, и пренебрежение ею сродни пренебрежению законами рациональной мысли.

Список литературы

1. **История лингвистических учений: позднее Средневековье.** СПб.: Наука, 1991. 265 с.
2. **Платон.** Кратил [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libok.net/writer/1617/kniga/49292/platon/kratil/read> (дата обращения: 11.11.2013).
3. **Хомский Н.** Картезианская лингвистика: глава из истории рационалистической мысли. М.: КомКнига, 2005. 232 с.

LANGUAGE STANDARD LIMITS AND CAPACITIES: HISTORICAL-CULTURAL ASPECT

Pupysheva Irina Nikolaevna, Ph. D. in Philosophy
Tyumen State University
I-rinushka@yandex.ru

Some stages of language standard development from the point of view of its connections with the man's generalizing capability are considered in the article. Standard is presented as a generalization form, and proper speech ability – as a communication ordering instrument. In standardization history two contradictory orientations can be singled out: at “language ideal” – and with such accent standard is able to worsen class conflicts; and at live speech practice typicalness that, on the contrary, promotes these conflicts smoothing. Today idealizing and typifying capabilities are standard social functions.

Key words and phrases: language standard; communication; generalization; “language ideal”; grammatical art; grammatical science.